

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
БОРИСА
И ГЛЕБА

ТАТЬЯНА
ЗУБКОВА

ПАНАКЕЯ

КНИГА 1
РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ
ПЛАМЯ ТАБЕТЫ

Интернациональный Союз писателей

Татьяна Зубкова
Панакея. Книга 1. Российская
империя. Пламя Табеты
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42616018

Панакея. Книга 1. Российская империя. Пламя Табеты:

Интернациональный Союз писателей; М.; 2019

ISBN 978-5-00153-049-7

Аннотация

Роман «Панакея» охватывает период с XVI по XXI век и носит элементы как исторического романа, так и фэнтези. Как Панакея, дочь бога медицины, персонификация исцеления, так и женщины, героини романа, лечат и тело, и душу. Действие происходит в Российской Империи («Книга 1. Российская Империя. Пламя Табеты»), Советском Союзе и Российской Федерации («Книга 2. Иштар. Любовь» и «Книга 3. Гея. Земля»), Англии, Мальте, Израиле, Китае, Украине. Жизнь – это бесконечная череда событий, в которой все повторяется на новом витке и всегда есть Герои, воевавшие за честь Родины, и те, кто любил их.

Содержание

Павлова Татьяна Васильевна	6
Пролог	9
Часть 1	25
Глава 1	25
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Зубкова

Панакея. Книга 1.

Российская империя.

Пламя Табеты

© Татьяна Зубкова, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Молитва благоверным князьям Борису и Глебу

О двоице священная, братия прекрасная, доблии страсто-
терпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и
любовию послужившии, и кровью своими, яко багряницею,
украшившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забуди-
те и нас, сущих на земли, но, яко тепли заступницы, вашим
сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных
во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прило-
га неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скор-
би, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую враж-
ду и злобу, действием дьявола воздвигаемую от ближних и

чуждых. Молим вас, христолюбивии страстотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от нашествия иноплемennых, междоусобныя брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением страну нашу и всех, чтущих святую память вашу, во веки веков. Аминь.

Посвящается всем героям, а также тем, кто любил их.

Павлова Татьяна Васильевна

Имею высшее медицинское образование, заведуя кафедрой патологии НИУ «БелГУ». Профессор, доктор медицинских наук, член Европейского общества патологов и ряда других обществ и организаций. Мною написано и опубликовано около 500 научных работ, в том числе 10 монографий. Под моим руководством защищено 30 кандидатских и докторских диссертаций.

Пишу художественную прозу и стихи всю жизнь. Публикуюсь под псевдонимом Татьяна Зубкова.

Я взяла фамилию моих предков с дворянскими корнями, живших когда-то в том числе и в Белгороде, куда я была приглашена для участия в основании медицинского факультета.

Мною опубликованы романы «Адам и Ева после ада» («Звонница», Москва, 2016), «Город имени ветра» («Издательство Интернационального Союза писателей», Москва, 2017) и ряд рассказов.

Пишу картины и устраиваю выставки.

От автора.

*Умрешь – начнешь опять сначала.
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Александр Блок. 10 октября 1912 года

Посвящается моей прабабушке Мишениной

(Курочкиной) Марии Дмитриевне

Пролог

Я фармаколог. При этом не торгую за прилавком аспирином, но-шпой, кардиомагнилом, а также прокладками в совокупности с липовыми жиросжигателями. Я доктор наук, профессор, известный не только в России, но и в ближнем и действительном зарубежье. Заведую одной из ведущих кафедр в университете, который входит в тридцать лучших, непонятно кем подсчитанных вузов страны и борется за место в двадцатке.

Но боюсь, что в этом марафоне я уже не приму участия, так как сейчас стою на ужасной колее, которую даже дорогой не назовешь, под коктейлем из снега и грязного дождя, похожим на спирт пополам с мутной водой из забившегося водопровода, только алкоголем не пахнет, под огнем обстрела, раздающегося невдалеке. Пламя и вода – две несовместимые стихии! На каббалистическом Древе мир разделен на четыре уровня, каждому из которых соответствует одна из стихий. В нем Божественный мир: огонь – высший и самый тонкий уровень мироздания, а вода – астральный мир, и это – уже третий уровень, в котором преобладают интеллект и область подсознания со снами и фантазиями. Между ними стоит духовный мир воздуха, или зона Творения, мир Престолов или Архангелов, и он представляет собой власть. Красиво! Но я стою под мерзким ветром, дующим, кажется, сквозь меня.

Остается Материальный мир: круг природы, земля, на чем и стоим – и грязи хорошо хоть не по колено! Грохотать стало сильнее. Слышны пулеметы, зенитки и прочая жуть, в которой я не разбираюсь.

Он стоит метрах в двадцати от меня, спиной к перевалившему за полдень солнцу, запрятавшемуся за плотные жалюзи туч свинцового цвета. И бесконечно долго поднимает автомат. Несмотря на довольно-таки добротную одежду, представляющую собой сборную солянку из немецкой и американской формы, НАТОвскую каску и, по-видимому, того же дизайнера броник, а также почти двадцать лет разлуки, я узнала его. При всей моей любви к оружию, которую так развил во мне мой друг подполковник, я понимаю, что его реакция значительно лучше моей при его черном поясе карате, которым он занимался с двенадцати лет, основательно испортив зрение. Когда он не надевал очки, то всегда щурился, чтобы разглядеть предметы, находящиеся от него на расстоянии более двух метров. Мне хочется, думаю, чтобы он узнал меня, несмотря на прошедшие годы и непривычное для него снаряжение на мне.

Видно, что он профессионал. Куда уж мне! Мой бывший скривил губы. Я только один раз видела, как он так улыбался. Эта фотография до сих пор хранится у меня в альбоме. Я не выбрасываю свое прошлое. Зачем? Потом мне казалось, что он был со мной только ради этих минут победы, так как вскоре мы расстались. Я думала, что навсегда. Ошиблась.

Мы стоим на дороге на окраине города, в котором мы жили когда-то, я и мой любовник, города, в котором он танцевал мне стриптиз и носил на руках, а также мы пробовали исполнять ламбаду. Затем, не после отплясывания конечно, мы уехали более пятнадцати лет назад вместе. Если выживу – обязательно напишу эту историю. Если... И я приказываю себе:

– Не думай о поражении, пока есть хоть какой-то шанс. Борись!

Но как? Он стоит напротив меня, поднимая автомат, и кривит губы. На нас – ленточки с разной символикой. Как в школьной игре в «Зарницу»: одежда цвета хаки, пилотки, белые бантики с носочками, маршировки, марш-броски, противогазы, танки сбоку, а самолеты над нами, в степи.

Доигрались! А в карманах – паспорта разных стран. Фантастика! За мое убийство он мог получить деньги. Когда-то он был профессиональным киллером. Сейчас он кривил губы и поднимал автомат. И я поняла, что и правда: за столь короткое время, пока он выстрелит, можно вспомнить очень многое.

Что же происходило с Городом, в котором мы занимались если не любовью, то уж точно сексом, и Страной, когда нас еще не было, а жили близкие мне по крови люди? Что случилось с нами за эти полтора десятилетия? Что происходит с миром, когда даже фармацевты держат в руках оружие, и это не ново в веках?

От перенапряжения заболела голова, и стало чудиться что-то невообразимое: будто он не в современной военной экипировке, а в латах, и не каска на нем, а шлем, и поднимает он не автомат, а арбалет. Прямо кадр из фильма про Средневековье! Поднятое оружие, то же, что и много веков назад, и бессмысленное противостояние и убийства. Те же места на таком не защищенном от железа теле закрыты военным снаряжением. Все тот же, что и столетия назад, катящийся по спине пот между лопатками, независимо от времени года, и вонь от него. Фармацевт, стоящий против врага, который хочет его убить. В чем-то, главным, не изменилось ничего.

А теперь напротив стоит другой, прошлый, и поднимает ствол. Много лет назад, правда не пять веков, я развелась и была необыкновенно счастлива. Большинство мужчин и неразведенных женщин посчитают это бравадой. Но это истинная правда. Я стала носить короткие, подчас вызывающе, юбки и платья. Благо мода и ноги генетически и в результате бега-плаванья позволяли. Не приветствовала это лишь моя бывшая заведующая на кафедре фармакологии медицинского института, где я работала тогда. Но придраться было невозможно, так как поверх коротюсенькой юбочки был застегнут белый халат вполне приличной длины, закрывающий колени. Я ходила в этом халате даже на собрания, причем была в такой униформе там одна среди терапевтов, хирургов, акушеров и прочей медицинской братии и на вопрос ректора: «А почему вы в халате?» – дерзко отвечала: «Я

здесь – единственный истинный врач!»

Моя заведующая была старше меня на пять лет. И этот факт трудно было игнорировать. К тому же я была явно талантливее ее. Она делала все, что могла, чтобы навредить мне: прятала отзывы на мои статьи, присланные редакцией для доработки, запрещала лаборанткам даже разговаривать со мной, сочиняла обо мне лично и о моих успешных фармакологических находках пасквилы и распространяла их устно и письменно, в том числе в виде анонимок, которые всегда были в моде. Я тогда и не знала, что именно в то время, когда я стояла на пыльной дороге, она откапывала у себя на даче закопанные в землю документы, чтобы предоставить их в один из вузов России, куда ее приняли после долгих мытарств. Сейчас мне почти смешно вспоминать все ее козни по отношению ко мне. Почти... Но она долго снилась мне в кошмарах.

В девяностые годы я жила в этом Городе в непролазной бедности, но порхала на дешевых и высоких шпильках, а заведующая портила как могла мне жизнь перед защитой. Кроме всего прочего, она звонила моему несостоявшемуся научному консультанту во Львов. Представляете, во Львов! Где он, этот Львов? И существует ли он вообще? Говорила ему, консультанту, не Львову естественно: «Диссертации то у нее нет, все придумано! А еще она проститутка!»

А у того, как говорят в Одессе, а может, уже и не говорят, был свой интерес. Ничего личного – бизнес. Он был членом

высшей аттестационной комиссии. Той самой, которая оценивает кандидатские с докторскими. Не обойти его, не обскать, не объехать! Подготовилась. Джинсовая юбочка в обтяжечку с базара. Какие уж тогда были Гуччи с Армани, да и Лондон с Миланом! Диссертацию на печатной машинке перепечатала собственноручно. Шестьсот пятьдесят восемь листов с семьюдесятью тремя графиками и таблицами. Один список иностранной литературы каких сил мне стоил! Как говорят: «В белый свет, как в копеечку!»

Грошиков не было даже на машинистку! Получала я тогда тридцать шесть долларов. Чтобы прокормить себя и ребенка, подрабатывала в аптеке, преподавала в колледже, подтягивала иностранных студентов, вела занятия по биологии в престижной гимназии, получая зарплату в кассе и в конверте, репетировала, готовя детей для поступления в институт. Мне ли после этого бояться труда!

Картину классную львовскому профессору в подарок мой друг художник написал, тогда только начал маслом работать. А первая в этой самой распространенной в мире технике была моим портретом. Он и сейчас у меня дома, в кабинете висит. О стиле художников я думаю так. Это зависит от манеры воспринимать жизнь и существовать в ней. Акварелью пишут те, кто умеет быстро и красиво сложить свою жизнь сразу. Сказочники! Уверенные и не меняющие своих решений творцы любят графику. Маслом пишут те, кто долго идет к совершенству: мучаясь, меняя, работая. Иногда в течение

жизни техника меняется. Мой друг до нашего знакомства писал плакаты, был такой вид в искусстве, а также пейзажи акварелью. Первые оплачивало государство. Пейзажи, в основном печальные, серо-песочные, тускло-зеленые, с видами Карелии, он потихоньку, так как тогда это было запрещено, продавал сам.

В Крае тысячи озер я побывала, когда он уже много лет жил в Израиле. Мне досталась отличная солнечная майская погода с зеленой травой и блекло-голубым небом, сливающимся с громадным и ртутно-синим Ладожским озером. Лишь ненадолго, когда мы смотрели деревянную церковь шестнадцатого века, тучи закрыли небо, и блестяще-серый цвет ольхи на куполах почти слился с ними.

Сидела бы сейчас у компьютера, читала новости и смотрела бы на три пейзажа на стене. Могла бы еще погрузиться под их минорную тональность. Или поехать в Лондон, к сыну где сейчас цветут фиалки, очень зимние цветы! А потом – в Стратфорд, тот, что на Эйвоне, лебедей покормить и в церковь, где Шекспира крестили, сходить!

На картине же, которую я повезла во Львов своему, как позже оказалось, несостоявшемуся консультанту, в синих тонах, в каких же, спрашивается, еще, была нарисована зима. На переднем плане – стол и чайник. Лучше бы эта картина осталась у меня! Я приехала и позвонила коллегам, чтобы уточнить маршрут и правильно объясниться по-украински, если надо будет спросить о расположении кафедры. Нахо-

дилась она недалеко от Лычаковского кладбища, известного своими старинными надгробиями. Я попробовала по телефону выбрать синоним:

– «Цвинтар» вы говорите или «схованка»?

– «Кладбище» мы говорим, «кладбище»! – ответили мне весело коллеги в трубке тогда еще не сотового телефона.

– Понятно все с вами! – парировала я, смеясь. Досмеялась!

Я шла по городу старинной каменной застройки, но вместо того чтобы разглядывать его, судорожно вспоминала украинский аналог слова «благодарю», забыв простое слово «дякую», и только кивала в ответ, уточняя дорогу. Национализм тогда еще только зарождался и скорее раздражал, чем пугал. И не было еще ни майдана в Киеве, ни захоронений под Донецком и Луганском. Я еще не защитила докторскую в России и не уехала туда навсегда, сразу осознав, что приобрела Родину! Сейчас кажется, что это все мне приснилось или было в другой, параллельной жизни.

Мой несостоявшийся консультант предлагал мне дать какую-то мифическую взятку в две тысячи долларов, которую я должна была взять у немифических шахтеров, дети которых поступают в институт. Сами шахтеры в то время сидели в центре города у администрации и стучали касками об асфальт, будто из него что-то можно было выбить, включая и эту громадную сумму в долларах.

Денег не было совсем. В какой-то момент я даже собира-

лась торговать хлебом в России, перевозя через границу, так как он там был дороже. Хорошо, что это мероприятие состоялось только в моей голове. Но все же новый, эксклюзивный гардероб мы с подругой, дизайнером по вечерним туалетам, в ту пору ставшей «к станку» и шившей всё, что закажут, создали. Чувствовала себя воительницей! Даже пошла в мужской зал, так как моя мастер отказалась от такой моей, на ее взгляд, слишком экзотичной просьбы: полностью сбрить волосы. Но не пошли мне навстречу и там – лишь постригли коротко! «Унисекс» еще не завоевывал просторы постсоветского пространства, как и татушки на бритой голове. Было бы забавно проделать с собой такой эксперимент сейчас. Не понравится – отращу волосы, и никто не будет знать, что за слова, символы и рисунки под ними. Если выживу – у меня еще будет масса возможностей для исполнения фантазий и желаний.

На несколько лет это стало моим стилем. Молодая женщина с короткой стрижкой, на шпильках более десяти сантиметров на длинных ногах, которые я раньше не носила, каблуки, естественно, а не ноги, так как мой бывший муж был коротышкой и комплексовал. Тогда я таким своеобразным способом праздновала свою свободу, смущая всех лиц мужского пола короткой юбкой и волосами. Потом у меня появились интересные пряди блонд, так как я решила, что если начну красить из-за седины, то это будет экстремально, а не простенько. Поседела я рано, в одночасье, во вре-

мя тяжелого развода, поэтому побелеть здесь, на дороге, мне не грозит! Но главное – тогда я стала вольной и не могла насыщаться этим ощущением. Студенты называли меня тогда за глаза «Панакея» – о чем я узнала уже потом. Всеисцеляющей она была, в отличие от меня, дочерью древнегреческого бога медицины и врачевания Эскулапа и покровительницей лекарственного врачевания и фармации. У нее была сестра Гигиея (богиня здоровья), та самая, которая, как и их отец, со змеюкой в руках. Были у Асклепия и сын Махаон (знаменитый хирург), а также Подалирий, который занимался лечением внутренних болезней, то есть врач общей практики. Такой вот семейный подряд, которого нет у меня. И всех их брали в свидетели молодые врачи, принося клятву Гиппократу, которую давно уже не используют, по крайней мере больше века. Как видите, общего у нас с богиней не так уж и много. Могу льстить себе, что имя и стать мраморной скульптуры, молчащей уже век, им понравились.

Обучающиеся тогда влюблялись в меня целыми потоками, точнее, их мужская часть. Я была легкой, улыбчивой, ухоженной, спортивной, в отличие от выползающих утром из студенческой общаги заспанных, сумрачных, озабоченных, из-за самоуверенности молодости не думающих о внешнем виде их однокурсниц. Мне было немногим больше тридцати, и недавно, несмотря ни на что и вопреки всему, состоялась защита моей докторской, но уже в Москве. В то время мы и познакомились – я и мой бывший. А теперь стоим на дороге

в противостоянии. «Ничего личного – только бизнес!» – казалось, говорило выражение его лица. Как в анекдоте: «Встает мужчина на корпоративе и говорит: «Так выпьем за секс и бизнес!» Начальник ему: «Ты сдурел, что ли?» И тостующий меняет слова: «Пардон. За любовь и работу!» «За это – выпьем!» – ободряет босс.

Куда-то я совсем далеко ушла во времени, когда я была почти ангелом, порхающим на крыльях свободы. Это было время, в которое я еще и Мону Лизу не видела. Не выходила на утренние пробежки по Парижу. Не видела египетскую коллекцию в Британском музее. Но была счастлива. А мой бывший тогда говорил:

– У меня такое чувство, что я выпускаю в жизнь своего, а не твоего сына!

Я молю под пронизывающим степным ветром:

– Прошу Тебя, Господи, чтобы мой сын даже не узнал о том, что на этой дороге меня застрелил тот, кто водил его в школу, учил драться, читал с ним книги. Сотвори, Господи, чудо, чтобы он в своем неведении никогда не устроил вендетту. А у меня уже было все, о чем только можно мечтать: любовь, карьера, Мону, я видела, ту самую, что Лизка, не один флакон той тетки, что Коко, и ее последователей, извела, «бэха», белая и дорогушая, на стоянке возле дома осталась, более чем в пятидесяти странах я побывала, по делу и не по делу. Сын уже заканчивает образование. Пусть же ему, Господи, прошу Тебя, будет счастье в жизни, когда я погиб-

ну за эту многострадальную землю!

Что же ты, мой герой, черти тебя побери, не выдрессировал меня, как правильно носить автомат, а не держать его за спиной? Сам ты так маху и не Маху не давал! И подчиненных выдрессировал. А меня, хотя и научил многому в школе выживания, называемой жизнью, например, как любой предмет сделать оружием и как ни при каких условиях не пускать чужих в дом, а уметь его сделать крепостью, и многому чему другому в этой школе выживания, но недоучил. Эх ты, моя большая любовь! Ты бы не отпустил меня с этой гуманитарной миссией с коробками лекарств, самой за рулем. Ты, зная меня, вычислил бы то, в чем я и себе не признавалась, когда ехала сюда и стала помогать. В медикаментах я, естественно, достаточно понимаю, а уж повязку наложить могу запросто! Потом мне еще достался автомат. Не скажу, каким образом. При моей напористости мне невозможно было отказать. И понесло меня на дорогу, по которой раньше столько раз ездила. Но все же забыла я многое за столько лет! С трудом вспоминаю, где что. Тоже мне местная, называется! Тем более что где деревья и дома новые выросли, а где, наоборот, разворочено все, на той дороге, где я в восемнадцать лет училась водить машину.

Сейчас я стою напротив него, бывшего, и не понимаю: узнал ли он меня – будто это имеет хоть какое-то значение! А может, он стал носить линзы? Почему он целится мне в голову? Не самая лучшая точка для поражения! Я была невда-

леке от аэропорта, из которого я столько раз улетаала, тогда еще в города Союза, а сейчас на его руинах даже нельзя снять фильм «Сталкер». Например, вчера на взлетной полосе был танк. В двух километрах от него стоит полуразрушенный пригородный ресторан, куда мы со студенческой группой ездили праздновать дни рождения в связи с его хорошей кухней и, что греха таить, дешевизной. Недалеко от него проходит дорога, по которой по-прежнему ездит автобус, теперь международный. Вдруг я услышала крикание уток. Они были в загоне возле дома, как и козел. А на крыше дома мужик прочищал дымоход, который завалило кирпичами после обстрелов. Она была недавно залатанная, хотя и кусками старого шифера. Больше людей не было видно. Недалеко были и, наверное, до сих пор есть небольшие овраги, где под редкими ивами били родники. Мы ходили сюда много лет подряд школьниками в апреле, когда появлялись первые аквариумные пролески. После того, когда соберешь их букет, ночью снились ярко-синие звезды. Почему-то на обратной дороге всегда было жарко и начинала болеть голова. Наверное, от переизбытка кислорода и эмоций. Сейчас не время подснежников.

Тоже мне, сказка «Морозко»! В старой истории злая мачеха, женщина-домохозяйка при не очень богатом муже, желая избавиться от падчерицы Марфуши, девушки трудолюбивой и безропотной, приказала мужу отвезти девочку в лес из маленького поселка за подснежниками. Такая цветочни-

ца-предпринимательница! Старик, которому было не больше сорока пяти, но как пароход назовешь – так он и поплывет, не посмел послушаться сварливой жены. Кто ж даже из современных мужчин выдержит многочасовое давление, стенания, крики и оскорбления! Он привез свою кровиночку в лес, примерно в такую же погоду, как сейчас, оставил там и вернулся домой. А меня как сюда занесло по своей воле? Вскоре появился гражданин мира Морозко и спросил у Марфуши:

– Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? – А она безропотно ответила, стуча собственными, не вставными зубами, не отбеленными специальными средствами, на синем лице, не покрытом дизайнерским мейкапом. Ведь мужчины, особенно богатые, каким, по-видимому, и был этот герой, раздающий шубы, очень любят таких.

– Тепло! – А возможно, она так сказала назло старику-спонсору, так как была гордой и выносливой. Трижды он уходил, пакостник и садист, и столько же раз возвращался, обращаясь к ней с тем же вопросом. Но стойко на своем стояла девушка, уже замерзая. Тогда понял он, что именно такая ему нужна, которая не продаст и не разболтает конкурентам его очередной бизнес-проект. Согрел он ее уже у себя дома, но к утру вернул в сугроб, но уже в шубе, чтобы в очередной раз проверить, не другая ли фирма ее подсунула.

На следующий день старик-отец, которого до такого внешнего вида довела его ленивая, сварливая и всеми воз-

можными методами продлевающая свою уже ушедшую молодость жена, снова поехал в лес и нашел там не труп, замерзший, синий и скрюченный, как ожидал, предатель, а дочку, живую, здоровую, с богатыми подарками, в не то норковой, не то соболиной шубе. Когда мачеха увидела падчерицу в дорогой обновке и с коробом импортного бутикового белья, она решила и своих дочерей отправить к жениху. Про дешевенькие цветочки уже все забыли! Однако в лесу, все в том же сугробе, на вопрос «Тепло ли вам, девицы?» те хамили и капризничали, так ничего и не получив от богатого спонсора, к тому же уже определившегося в выборе и потратившегося на шопинг. Они быстро окоченели от сильного мороза, редко случающегося в этих местах. А смерть от холода, как известно, самая легкая: реципиент умирает от остановки дыхания, даже не мучаясь при этом. А засыпая, видит сказочные сны и – улыбается! Следовательно, не очень молодые особы умерли счастливыми. Их мать, как и все остальные герои, осталась жить дальше, не наживая при этом добра ни в прямом, ни в переносном смысле.

На данный момент эти первоцветы законом собирать запрещено. А здесь разве обитает Фемида? А я хоть работающая, но не бездомная! И черта с два меня можно было бы заставить! Но все же меня тоже знобит. Занесло же меня сюда, даже без злой мачехи и равнодушного тупого отца! Что толку от моего автомата за спиной! Велика у меня вероятность погибнуть не с ощущением почти наркотического уду-

шья от замерзания, просматривая романтические грезы. Как у Шекспира:

– Скончаться. Сном забыться.

Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.

Какие сны в том смертном сне приснятся,

Когда покров земного чувства снят?

Я стояла и вспоминала. Что-то припомнилось тогда, остальное – уже в процессе работы над книгой, и разделить это трудно, как правильно ответить на вопрос с пальцами, соединенными резиновыми манжетками и проводками с детектором лжи, который, как известно, показывает только скорость пульса:

– Это вы видели во время текущего события? Только «Да» или «Нет»? Ответьте на следующий вопрос: «Узнали ли вы об этом позже?»

Часть 1

Российское Царство Воздух Геры

Глава 1

Вторая половина XVI века Москва. Олтскарь

Эти записи на новоанглийском языке времен Шекспира были найдены на чердаке дома в Лондоне. Как они туда попали – неизвестно. Мои друзья в Англии, зная, что я готовлю эту книгу, попросили у хозяев бумаг разрешения сделать фотографии с изящного старинного альбома с текстом, относящимся приблизительно ко второй половине шестнадцатого века, иллюстрированным великолепными рисунками, на которых был изображен древний Московский кремль, люди в длинных меховых шубах, чьи женские и мужские лица, если изменить прически, убрать бороды и головные уборы, почему-то очень похожи на моих современников. На других листах были нарисованы мензурки, колбочки, ступки, старинные бокалы и горшочки. Все это, несмотря на литературный английский, явно указывало на «русский след». Отдать или продать альбом англичане отказались, так как у них сформирова-

ровалось мнение, что это писал их давний, хотя и не прямой предок, но разрешили все сфотографировать, что не является проблемой при качестве современных гаджетов, как и мгновенная передача информации на мой электронный адрес. От Англии вполне можно ожидать столь длительного хранения раритетов: ведь сохранилась же церковная книга, в которой имеются записи о рождении и смерти Шекспира! Хорошо жить на острове: по нему не так уж и часто ходят завоеватели.

В альбоме было спрятано несколько сложенных вдвое листов со стершимися на сгибах словами, написанными тем же, но более торопливым, а вследствие этого нервным и неразборчивым почерком, и на них не было рисунков. Они меня заинтересовали более всего, поэтому они стали началом моего чтения. За все нюансы языка после моего перевода не отвечаю!

18 марта 1584 года. Я фармацевт. И я в величайшем ужасе! Пишу ночью, так как не могу уснуть и посоветоваться не с кем на чужбине. Царь умер! Уже ходят слухи, что Годунов лишил его жизни, подкупив лечащего врача. А кто готовил лекарства? Я! А кто рекомендовал неоднократно применяемый и столь эффективно действовавший состав, в который входили ртуть и мышьяк в гомеопатических дозах, когда тело его покрылось характерной сыпью, являющейся признаком того, что мужчина слишком увлекался доступными девицами? Или от других причин? Опять же я! А кто ему гото-

вил травяные сборы для укрепления сил? Я! Везде – я! Может, я в чем-то ошибался: не с кем мне было посоветоваться в этой варварской стране! И как отличается от англичан организм москвитян! А главный тезис врачевателя: «Не навреди!» Вдруг кто-то добавлял яд в лекарства, приготовленные мною? Кто их разберет, этих русских! Да и, признаться, и у нас это возможно! И опять допрос будет.

– Кто готовил лекарства? Кто не попробовал его до того как подать царю? – спросят меня, вздернув на дыбу. Ответ один: я! В спешке и ужасе, которые возникли меньше десяти дней назад, так многое уже нарушалось. Никто не посмотрит на то, что в последний год здоровье Царя ухудшилось, позвоночник потерял свою гибкость и его стали даже часто носить на носилках. При этом в свои пятьдесят с небольшим лет царь выглядел как дряхлый старик. А я выписывал ему бодрящие препараты!

Я приехал сюда в тысяча пятьсот восемьдесят первом году. Уже через год послы начали отписывать, что московскому государю жить осталось недолго. Тогда астрологи указали время его смерти, о чем царю, естественно, доложено не было. И ведь сбылось! Боярин Бельский, любимец царя, грозно предупредил ясновидцев, что, если их предсказание не сбывается, их сожгут живыми: это было равносильно назначению премии за убийство царя.

Но ни я, ни его врач не были согласны с этим. Еще дней десять назад царь активно занимался делами и строил пла-

ны на будущее. Десятого марта из-за государева недуга был даже остановлен на пути к Москве литовский посол. Поднялась большая суматоха, при которой лекари засуетились, монастыри стали раздавать щедрую милостыню, а по церквям велено было молиться за здоровье правителя. При этом Иван Великий приглашал к себе знахарей и знахарок, которых привозили даже с Севера. Царь то падал духом, становился кротким и начинал усердно молиться, приказывал по Москве кормить нищих и пленных, выпускал из темниц заключенных, а то опять, хотя теперь и ненадолго, становился гневливым и необузданным. Ни лекарь, ни я не знали, как привести его в равновесие. Уже не действовала даже настойка опия в увеличенных дозах. Он то терял силы и собирался умирать, то говорил, что будет жить долго. Между тем тело государя распухло, стало дурно пахнуть и, как доктор констатировал, началось разложение крови.

Смрад от него становился все невыносимее. Не помогали уже ни ладан, ни розовое масло, обильно распыляемое по помещению. Сочетание двух сладковатых запахов – разложения тела и цветущих роз – делали обстановку еще ужаснее. Наступило семнадцатое марта. Около третьего часа царь отправился в русскую баню, к духоте которой я так и не смог привыкнуть, и провел там более двух часов под пение холопок. Лекарь и я боялись, что это повредит его расстроенному здоровью, но царь почувствовал себя бодрее. Его усадили на постели, и он велел подать шахматы, чтобы сыграть партию

с Борисом. Сам собирался расставить их, но никак не мог поставить короля на свое место, что было так знаменательно. Одновременно упали: на доску костяная, черная, резная фигура короля, а на постель – Царь!

Поднялся крик и вой. Одновременно бежали за водкой, розовой водой, доктором и духовником. Явился врач с моими снадобьями, начали растирать его. Пришел митрополит и, памятуя распоряжение уходящего, наскоро совершил обряд пострижения в монахи. Но в это время царь уже был бездыханен. Он умер после полудня восемнадцатого марта. Страшно и тяжело ударили в колокола по всей Москве на исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль. Хорошо хоть Годунов не растерялся и приказал затворить дубовые, с коваными полосами ворота. На третий день тело царя Ивана Васильевича было предано земле в Архангельском соборе, рядом с могилой убитого им сына. Он оставил своему сыну Федору царский венец, а Борису Годунову – государственную власть. Как здесь говорят: «Почил он в Бозе». Мне очень страшно!

Другие записи были сделаны уже в альбоме и были написаны красивым, хотя несколько витиеватым почерком.

12 декабря 1581 года. Я фармацевт. Я англичанин. Мое имя Ясoб, но зовут меня здесь на русский, вернее даже, на еврейский манер – Яковом. Ужас! Пишу днем, больше от скуки. Хотя тешу себя надеждой, что, скопив денег, а платят мне здесь хорошо, уговорю мою императрицу отозвать ме-

ня домой из этой варварской страны и на родине издам мои записи отдельной книгой. Забавная будет вещица! Говорят, что я не первый здесь аптекарь, а жил до меня литвинянин Матюшко – оптскарь. Да кто у них, у русичей, разберет, что было тридцать лет назад!

Медведи, правда, как у нас говорили, по улицам ходят разве что на базарах, зовущихся здесь торговыми рядами. Но и у нас этими животными народ развлекают. Люди одеваются не в волчьи шкуры, а кто побогаче – в роскошные соболиные, беличьи, лисьи и прочие дорогие шубы, подбитые привозным бархатом и шелком, в том числе китайским, а кто победнее – в овчинные тулупы. Голодомора нет и еды много. Но она непривычная – тяжелая, жирная. Эля нет. Иногда употребляю их медовуху, а также ягодные наливки, больше по местным праздникам.

Юмор у них странный. Шутят против бояр зло. Мне перевели как-то, что они говорили в толпе:

– Времена шатки – береги шапки. – И еще круче, против царя самого:

– Царские милости в боярское решето сеются. Царь гладит, а бояре скребут.

Девки – роскошные. Ходят плавно, белотелые, крепкие, глазами блестят. Правда, сурмят брови и красят щеки с избытком. Но это и стереть можно. Но не уважают их тут. И могут сказать, например, как мне перевели: «Баба да бес – один у них вес!»

Во многом стоит женское начало. Еще древние греки называли первоначалом космоса четыре стихии и богини отвечают за них. И это: Гера, отвечающая за воздух, Табета – владычица огня, Гея – хозяйка земли, Салация, она же, по отдельным версиям, Афродита, супруга Нептуна, божество воды. Матушка Гея разгневалась на мужа Урана и попросила сына оскотить отца. Послушный отпрыск отсек серпом гениталии папашки и забросил их в море. Из них девочка и была создана. И наконец – Иштар, центральное женское божество, имеющее андрогинные черты, богиня плодородия и плотской любви, войны и распри, астральное божество, олицетворение планеты Венера. Все они олицетворяют силы связи и разделения, добра и зла, огня и воды, восхождения и нисхождения, а также равновесие, мудрость и плодородие, жизнь и смерть.

25 декабря 1581 года. Такая тоска сегодня накатила – хоть вешайся! Пешком бы до моря дошел, а там бы залив переплыл, все заработанное здесь оставив! Или проще, при наших регулярных торговых отношениях, с тюками льна, меха или пеньки нелегально переправиться. Или в бочке с медом, или, изобразив обезьянку, верхом на мачтовой сосне. То-то смеху будет! Но не мне. Если сразу на эшафот не отведут, отправят обратно, в виде легкого наказания, в штуче сукна закованного, а то и в бочке с серой, селитрой или свинцом. Нет, скорее по профилю работы, в ящике с медикаментами, которых своих пока у русичей нет, и не морочат они

себе голову, чем заменить. Есть чем торговать: богата земля Российская! Иногда встречаю я наших купцов в Москве. Говорят, работают они и в Ярославле, Вологде, Великом Устюге. Организуются уже совместные промышленные предприятия по производству канатов и парусины для нашего флота, покоряющего при Елизавете все моря. А России была, есть и будет наша торговая колония! Только вот Иоанн, наслушавшись своего купечества, урезает привилегии наших предпринимателей.

Но нет. Не простят мне дома самовольного ухода. Крута Елизавета. Казнит, не поморщится, если против воли ее пойду! Не таких убирала. Сиротой росла, как местный царь, при казненной у нее невинно матери. По подозрению в причастности к восстанию родная сестра посадила Елизавету в Тауэр. Но потом Мария скончалась: и с чего бы это, совсем молодой? Знаем мы, фармацевты, сколько ядов есть без цвета и запаха! Но на трон в Вестминстере, Елизавета взошла под звуки всеобщего ликования. Пишет и говорит по-латыни, читает по-гречески, знает французский, испанский, итальянский, хорошо играет на лютне, изящно танцует. Наступил у нас Золотой век Англии! Правда, теперь я путаюсь, когда говорю или пишу: «у нас» – на Руси или в Англии?

Крута Елизавета, крута! Хорошо, что английский здесь только два дьячка знают, но кто их ко мне допустит? А русские мои записи не прочитают: ленивы и презрительны языки учить. Говорят, что жену любовника Елизавета отрави-

ла, а может, муж свою жену. Кто видел! Но у него после ее смерти стало еще меньше шансов приблизиться к королеве: власть и любовь народа она ценит гораздо больше, чем мужчин. Народу было объявлено, что покончила женщина жизнь самоубийством! А может, так и было. Как тут жить: если твой муж к королеве – и домой ни глаз, ни носа, ни других частей тела не кажет? Однако царица много раз заявляла, что их связь была исключительно платонической.

Крута королева! Виват, королева! Виват! В Тауэре из ее окон хорошо было видно, как проводили казни. И в ее сердце остались навсегда дурные мысли обо всех окружающих ее. Во дворе жили вороны и воробьи. Слуги, ухаживающие за птицами, отметили, что у одного немолодого королевского ворона скончалась супруга и он затосковал и стал чахнуть в одиночестве, как любой самец, оставшийся без самочки. Нашли ему молоденькую «телку», то есть птичку. Почему-то не понравились они друг другу, и ворон во вдовстве своем продолжал горевать. Подсадили вторую. Что там случилось – неизвестно. Но ночью они вдвоем заклевали насмерть ворона. Мораль: нельзя верить женщинам!

10 января 1582 года. Морозы сейчас стоят лютые! Стараюсь из дома от горячей печки с резными, с синими петухами изразцами не уходить. Перечитал записи. От скуки пишу дальше. С сестрицей некровой, Марией Стюарт, всю жизнь Елизавета в борьбе за английский престол находится, хоть и посадила соперницу под присмотр, почти как в тюрьму, в

Шеффилдский замок. Но и оттуда она интригует, несмотря на то, что отрезана от своих шотландских друзей. От тоски и скуки стареет и сильно седеет под рыжим париком, несмотря на свои сорок лет.

Страшная она, королева-девственница, хоть и Англия при ней процветает, как и при Иоанне – Россия. Не зря они переписываются. И о чем только? В свое время преподавателями ее были профессора Кембриджа. Воспитывали ее как мальчиков-престолонаследников: древние и современные иностранные языки, история, риторика. Ее учителя отмечали, что в принцессе нет женской слабости, а присущ ей мужской склад ума. Ее любимыми ее предметами были теология и английское протестантское богословие.

Взойдя на престол, королева Англии приступила к государственным делам – изучала обстановку, формировала правительство из своих людей, как во все века умные правители делают, работала с документами, чему многие ленятся уделять внимание. Изменила и сократила громоздкий королевский двор. Основной проблемой ее правления был окружающий патриархальный мир, в котором роль женщины, даже королевских кровей, была крайне ограничена. А она хотела, чтобы ее воспринимали в первую очередь как государственного деятеля, а затем уже как женщину. Хотя последнему она также уделяет большое внимание, готовясь к каждому выходу, а особенно для позирования на портретах.

28 января 1582 года. По-прежнему очень холодно. И да-

же кажется, что морозы еще усилились. Тоскую и мерзну. В Лондон бы! В ванне помыться. Зимой – магнолии цветут. Аптечный огородик у меня дома – красота! Даже сам там возиться с растениями любил. В театр бы! Написали мне с okazji, что в Лондоне новый автор появился, Шекспир. Правда ли, нет, но много легенд о нем ходит. Что не обучен был ни актерскому, а тем более писательскому ремеслу. Но говорят, что остер на язык. К нему будто бы как-то обратился незнакомый юноша и попросил объяснить ему, как приступить к сочинению пьес. «Вы еще молоды, – ответил мастер, – и напишите сначала сонет; если останетесь довольны им, приходите ко мне». «А вы? Вы уже сочинили уйму пьес!» – «Но я ни у кого не спрашивал совета, как это делать!»

Пишет набело, без исправлений. Однако коллега отписал, что видел у самой Екатерины, когда лекарства ей от бессонницы носил и на стол ставил, черновик новой пьесы, весь исчерканный. Хорошо перо у Великой, но негоже ей пьески писать для развлечения публики. А еще судачат в Лондоне, что их писали рыцари Ордена Тамплиеров. Большие у них были связи с Англией, когда всем миром правили. Потом, после гонения, они как растаяли в воздухе, но может ли бесследно исчезнуть такая большая, могущественная и богатая организация! Только уйти в неведомые края или раствориться среди коренного населения. Они вообще о многом молчали: устав ордена был известен только рыцарям, но и те не могли его хранить у себя, чтобы он не попал в руки непосвя-

ценных, даже из числа членов ордена, магистры принимали решения в глубокой тайне, архивы ордена таинственно исчезли. Чудеса! Бытует мнение, что пьесы они сочиняют для улучшения нравственности народа английского. Да кто ее, правду, знает! Как говорят у нас: «У каждого в рукаве сидит свой дурак!»

15 мая 1582 года. Все цветет. Хандра моя прошла. Я решил написать, как же я здесь оказался в этой варварской и не любимой мною стране. Списался Иоанн с моей Елизаветой и прислали меня в эту глушь, как обезьянку. В послании королевы царю было написано: «Государю Ивану Васильевичу, брату кровному и приятелю нашему, направила доктора в лекаря, Джеймса Френча, мужа наученного, а еще аптекарей честных и к делу добре годных». Среди последних был и я. Приехали мы в Москву в начале мая. Совсем здесь еще непривычно для меня холодно было! И не цвело еще ничего! А в Лондоне уже на рождество фиалки расцветают. Сразу подумал: как же лекарственные растения я здесь, в снегах разводить буду? Затосковал! Аптеку открыли девятнадцатого мая тысяча пятьсот восемьдесят первого года напротив Чудова монастыря. Называли ее Государевой. Вскоре второй аптекарь умер – и остался я один.

Готовлю лекарства для царя и его родственников, если их можно так назвать. А что их лечить? Быстрее не своей смертью умрут! Царь, как тоска наступает, нет мои настои попить – за тридевять земель, под Тверь в монастырь рвется. И за

рекой в шатрах станет. А в монастыре – в баньку ходит. Знаю я, что они, русичи, в этих баньках творят!

1 июня 1582 года. Аптека моя в Кремле, возле царских палат стоит. За его территорию мне одному выходить страшно. Когда-то попросил я царского главного опричника Малюту за кремлевские стены вместе сходить, аптеки для народа мне показать. Тот заржал как лошадь. Пошли мы. На Лобном месте стоял деревянный помост, с которого оглашались царские указы, как мне сказали. Вокруг стен Кремля ров, шириной в тридцать шесть метров и глубиной более десяти, заполняемый водами реки Неглинной. Через этот защитный ров от пропускных башен переброшены мосты. К площади выходили самые главные улицы Москвы, кроме того, недалеко располагались речные пристани, что делает удобным это место для торгового центра города. Красная площадь за Китайгородской стеной заключена в границы Китай-города. По велению Грозного вдоль восточной стороны площади были построены деревянные торговые ряды, куда мы и отправились.

Все рядом! Красоты, надо правду сказать, невиданной, только отстроенный с повеления государева, храм Василия Блаженного. Зашли мы: ни скамей, ни песнопения прихожан, а народ на коленях молится. Отсталость дикая! Духота и давка. Юродивые на крыльце в лохмотьях. Рядом – Лобное место для казни. И тут же – торговые ряды. Скуратов привел, на мед и ягоды тычет. Ну я даже кое-что там бы взял для

себя. Но сразу попробовать – побрезговал. Он недобро так посмотрел, будто мысли прочитал: боюсь я его.

2 сентября 1582 года. Как-то все записи у меня путанные получаются. Попробую писать каждый раз одну тему и больше про Русь. Нынешний царь, которого здесь нарекли Грозным за нрав его, родился в семье великого князя Василия Третьего. Лишился он отца своего будучи ребенком малым трех лет, а затем, в неполных восемь – матери. Его родной четырехлетний брат был глух и нем и не друг ему. Горечь, страх, обиды и желчь остались у него от сиротского детства. В тринадцать же Иоанн, говорят, выглядел высоким и крепким и предался диким потехам и играм. Он забирался на островерхие терема и спихивал оттуда сначала кошек и собак, а затем уже и людей. Давил он их и конем.

Потом им занялся митрополит Макарий, который начал помогать ему укреплять власть и воспитывать его буйный нрав. Он и посеял в его голове мысль о венчании на царство. Это должно было повысить международное значение Русского государства и укрепить расшатавшуюся власть, что и было осуществлено. До сих пор вспоминают громадную процессию, которая из великокняжеского дворца направлялась к собору Успения Богородицы. Все в ней были в дорогах – соболиных, горностаевых, беличьих – шубах, крытых восточными шелками с яркими разводами, черным, синим и красным итальянским бархатом, фландрским сукном. Во время службы Митрополит возложил на Ивана крест, венец

и бармы. Тут же им было рассказано о будущих намерениях шестнадцатилетнего царя и трудах его в союзе с церковью. Тогда было сказано, что вместе с царской властью царь должен был укрепить суд и правду внутри страны, а также вести борьбу за расширение государства. Москва стала царствующим городом, а русская земля – Российским царством.

Царь, естественно, решил расширить границы страны на Востоке и Западе, укрепить связи с Западной Европой и добиться выхода к морям. Но потерял выходы к Балтийскому морю! И царский взор обратился к берегам Белого. Был дан приказ о строительстве в устье Северной Двины нового «города для корабельной пристани» и утвержден Архангельский посад, выполнено строительство гостиных дворов, и в новый порт была официально переведена вся морская торговля с иностранцами. И сразу «по доходам, собираемым в казну от таможенных пошлин» эта область стала самой важной по доходам и единственным портом страны с торговлей с Англией и другими странами. Из Европейского заморья на Русь везли дорогие ткани, а также сахар, пряности, туалетное мыло, хлопчатую и писчую бумагу, нитки, иголки, кружева, жемчуг, дорогую посуду, оружие, вино, которого тогда на Руси не производили. Но самой выгодной статьей торговли стали, естественно, денежные операции. Из талеров русская казна, не имевшая своего золота и серебра, чеканила ефимки и пускала их в обращение. Статьей экспорта стали хлеб, сало, лен, пенька, холсты, воск, кожи, русские меха,

корабельный лес. Все это также можно было купить здесь, на торговой ярмарке, которая стала главным торговым событием года. Но вскоре царь повысил для нас, англичан, пошлины. Купцы пожаловались Елизавете, а также меньше денег стали оставлять в казне страны. Великая выставила ответные санкции и затаила злобу на «русского брата». С этого времени стал формироваться в Европе его негативный образ со многими домыслами и преувеличениями, может быть благодаря умело пущенной клевете о нем.

Он, не осознавая размеров беды, приводил в порядок законодательство, изменял областное управление, привлекая к нему выборных людей из различных сословий, ввел для наведения порядка опричнину, которая стала его любимым детищем. Однако народу и боярам она внушала ужас. Но потом и самого царя частично подчинил себе Малюта Скуратов. В юности Иоанн был благочестив, но потом стал фанатиком, что плохо отражается на управлении государством. После разгрома Казани встал этнический вопрос, когда он велел казнить мусульман, отказавшихся принять христианство, а в завоеванном Полоцке приказал утопить всех местных евреев. Ходили слухи, что он даже собственноручно душил своих незаконнорожденных детей. От сумасбродства и жестокости царь переходил к покаянию.

Но Иван IV Васильевич, – один из самых образованных людей своего времени, имеет необыкновенную память, обладает богословской эрудицией и автор многочисленных по-

сланий, музыки и текста службы праздника Владимирской Богоматери, канона Архангелу Михаилу. Царь также поспособствовал организации книгопечатания в Москве и строительству одного из красивейших храмов – Василия Блаженного, а также Покровского собора – в ознаменование победы над Крымским ханством.

В первом браке с Анастасией Иван IV был счастлив. Но не прошло и трех месяцев, как вспыхнул пожар, уничтоживший большую часть столицы. Царь был в гневе. И только красивая, умная и ласковая жена, как всегда, смогла успокоить его. Но его ангел-хранитель рано умерла, успев оставить двух сыновей. Младший из них, Федор, был болезненный и слаб умом. Старший, с его же именем, Иван, был похож на отца. Естественно, его и любил Иоанн и сделал наследником. Между отцом и сыном существовало согласие в делах и чувствах. Они даже менялись своими любовницами. Но однажды, оскорбленный одеждой своей невестки, царь ударил ее с такой силой, что она до срока разрешилась от бремени. Царевич, естественно, не удержался от упреков в адрес отца. Грозный вспылил. Что было между ними после – никто не знает. Говорят, когда царь в ужасе выбежал из комнаты, там остались убиенный царевич и окровавленный посох Грозного. А все остальное – только домыслы. Может, сама наша царица послала убийц, мстя, или еще кто? Только шепотом указывали на отца. Но и за это доносили – и убивали!

Смерть наследника стала бедствием для Руси: Федор слаб

умом, Дмитрий — дитя. От своих любовниц Царь имел еще несколько избежавших, в частности, смерти от его рук сыновей, но они не были законными наследниками. Тогда Иоанн женился на полудикой черкешенке Марии. О ней молва ходила, что была она распущенна и безнравственна, а также жестока по природе. Впрочем, это было почти за двадцать лет до моего приезда. Но и она прожила недолго. Появилась Марфа, дочь простого новгородского купца, прожившая в царских покоях после свадьбы всего две недели. Царь уверял, что ее отравили раньше, чем она стала его женой, то есть Марфа умерла девственницей, что было важно для его четвертого брака, на который он уже не имен церковного права. Он грозился, что сам уйдет в монастырь, и даже неделями жил в нем. Церковь, естественно, после больших его подношений не отказала. Так появилась новая жена Анна, которая через три года была им заточена в монастырь под предлогом участия хрупкой и кроткой женщины в заговоре. Развод сопровождался множеством казней, совершенно истребивших семью бывшей царицы. Сама она еще долго жила в Тихвине инокиней Дарьей.

20 сентября 1582 года. Были еще наложницы Анна и Василиса. Обе они назывались его супругами, хотя для сожительства с ними он испросил только разрешения своего духовника. Первая три года пользовалась ласками царя, а умерла все-таки насильственной смертью. Вторая быстро, молодой и красивой женщиной, которой бы мужа ласкать, детей

растить да жизни радоваться, была заточена в один из монастырей. На одну ночь потом была женой, или как ее еще назвать, Мария Долгорукая. После этого ее посадили в коляску, запряженную лошадьми, и утопили в реке. И стоит ли еще удивляться, что я готовлю ему лекарства от дурных болезней!

Очередная любовница Ивана как-то прибежала. Приворотного зелья просила. Я ей дал настойку опиума. На следующий день довольная пришла. Соболиную шубу принесла. А на что она мне? Не одна шуба у меня уже есть! И не продашь, подарки! Говорила, что царь по-другому смотреть на нее стал. И как-то так подмигивал. Дал еще лекарства. Затем пропала и она. Вскоре Иван заключил более или менее законный брак с Марией Нагой, дочерью боярина. Именно она стала матерью царевича Дмитрия. Сына Федора женил на сестре Годунова Ирине. Так царь создал свою новую семью, но тут же стал подозревать Бориса в измене.

5 мая 1583 года. Давно не писал. Жизнь моя течет спокойно и ровно. Я даже стал привыкать к местной жизни, людям, перенимать привычки, в частности, к русской бане, питью и пище. Потихоньку стал понимать их язык и даже немного говорить. Работаю в Государевой аптеке ежедневно с раннего утра до позднего вечера. Стены комнат расписаны картинами, полки и двери обиты английским сукном, а окна пестреют разноцветными стеклами. На подоконниках расстелены дорогие бархатные ковры. Комнаты аптеки укра-

шены часами, чучелами павианов и даже глобусом. Повсюду чистота, и даже на улице поблизости от аптеки ни грязи, ни вони, ничего дурного. Посуда состоит из серебряных чаш, золотых фляг с притертыми пробками, а также из гжельской глины и тонкого цветного и прозрачного стекла. Ритуал подачи лекарств во дворец отличается чрезвычайной тщательностью и роскошью: склянки, стопки и сумки, в которых отпускаются лекарства, завязываются красным шелком и заворачиваются в белую тафту. Во время походов и выездов царя лекари, сопровождавшие его, хранят лекарства в ящиках, инкрустированных драгоценными камнями и золотом.

В дни, когда болеют члены царской семьи, я должен дневать и ночевать на службе. Для выдачи лекарства требуется назначение доктора и разрешение боярина, заведующего аптекой. Лекарство, предназначенное для царя, предварительно пробует лекарь, его прописавший, а их несколько, и все, естественно, не русские, я, его приготовивший, и, наконец, отдает из рук в руки боярину для употребления государем. Принимая от царя рюмку с остатком лекарства, он обязан то, что в ней останется, вылить на ладонь и выпить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.